

Оригинальная статья

УДК 316.624

DOI: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188

Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации

Александр Васильевич Смирнов

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Людмила Александровна Максимова

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Аннотация

Актуальность работы состоит в высокой социальной значимости исследований в области выявления механизмов формирования деструктивного поведения в юношеском возрасте. Изучение глубинно-психологической сферы личности позволяет выявить неосознаваемые тенденции, отражающие склонности к деструктивному поведению, а также прогнозировать риски подобных проявлений в поведении человека.

Цель исследования: изучение и представление деструктивных и самодеструктивных тенденций в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской и сельской местности.

Теоретические методы исследования: сравнительно-аналитический метод, а также индуктивный и дедуктивный методы. **Эмпирические методы** исследования: методы направленной беседы, наблюдения, а также психодиагностический метод (метод экспериментальной диагностики побуждений «Szondi-Test»). Статистическая обработка данных проводилась как ручным способом, так и при помощи программного пакета «Statistica».

Анализ эмпирически полученных данных показывает, что глубинно-психологическая сфера и ее отдельные области отражают естественное для юношеского возраста протекание кризисного периода личностного и социального развития. Были выделены пять условных типов личности юношей: «нормально социализирующиеся», «агрессивные», «деструкторы и самодеструкторы», «пассивные и ведомые», «регрессивные и аддиктивные». При анализе глубинно-психологической сферы «Я» было установлено, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у сельской молодежи оказывается выше, чем у городской.

С научной точки зрения проведенное исследование подтверждает и дополняет имеющиеся научные сведения о процессах и закономерностях развития личности в юношеском возрасте. Научную новизну исследования придают раскрытые и описанные глубинно-психологические процессы и особенности личностного и возрастного развития молодых людей.

Ключевые слова

аддикции, девиации, деструкции, судьбоанализ, юношеский возраст

Для цитирования: Смирнов, А. В., Максимова, Л. А. (2023). Деструктивные и самодеструктивные тенденции глубинно-психологической сферы городских и сельских юношей как отражение трудностей сепарации и социальной адаптации. *Российский девиантологический журнал*, 3(2), 173-188. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания 073-00042-21-02 по теме «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Original paper

Alexander V. Smirnov

Ural State Pedagogical
University
(Ekaterinburg, Russia)
k-66756@planet-a.ru

ORCID: 0000-0003-1777-139x

Lyudmila A. Maksimova

Ural State Pedagogical
University
(Ekaterinburg, Russia)
maksimova70@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0017-5321

Destructive and self-destructive tendencies in the deep psychological sphere of urban and rural young people as a reflection of difficulties in separation and social adaptation

Abstract

The **relevance** of the research lies in the high social significance of research in the field of revealing mechanisms of destructive behavior formation in adolescence. The study of depth-psychological sphere of personality makes it possible to identify unconscious tendencies reflecting tendencies to destructive behavior, as well as to predict the risks of such manifestations in human behavior.

Purpose of the research is the study and presentation of destructive and self-destructive tendencies in the in-depth psychological sphere of young people living in urban and rural areas.

Theoretical research **methods** are the comparative-analytical method as well as the inductive and deductive methods. Empirical research methods: methods of directed conversation, observation, as well as psychodiagnostic method (method of experimental diagnostics of motives «Szondi-Test»). Statistical processing of the data is carried out both manually and with the help of the software package «Statistica».

The **analysis** of empirically received data indicates that the in-depth psychological sphere and its separate areas reflect the natural course of the crisis period of personal and social development for adolescence. Five conditional personality types of young people are identified: «Normally socialized», «Aggressive», «Destructive and self-destructive», «Passive and dependent», «Regressive and addictive». In analyzing it was found that the probability of destructive and self-destructive tendencies in rural youth is higher than in urban youth.

From the scientific point of view, the research confirms and completes the existing scientific information about the processes and regularities of personality development in adolescence. Scientific novelty of the research is given by the revealed and described in-depth psychological processes and peculiarities of personal and age development of young people.

Keywords

addictions, deviations, destructions, fate-analysis, adolescence

For citation: Smirnov, A. V., Maksimova, L. A. (2023). Destructive and self-destructive tendencies in the deep psychological sphere of urban and rural young people as a reflection of difficulties in separation and social adaptation. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(2), 173-188. doi: 10.35750/2713-0622-2023-2-173-188.

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of government task 073-00042-21-02 «Scientific analysis of the use of unified methodology of socio-psychological testing of students aimed at early detection of non-medical use of drugs and psychotropic substances and its improvement».

Введение

Массовое проведение в регионах России социально-психологического тестирования несовершеннолетних, имеющего целью выявление явной и латентной рискогенности социально-психологических условий, выступающих предикторами формирования различных форм рискованного поведения, показывает высокую социальную значимость исследований в области личностных особенностей молодежи, потенциально склонной к деструктивному поведению. Изучение специфики деструктивных тенденций в структуре глубинно-психологической сферы юношества представляет научный и практический интерес, в связи с тем что данные процессы не подвергаются цензуре сознания, следовательно, минимальной является вероятность искажения или фальсификации получаемых сведений. Процессы, происходящие в бессознательной глубинно-психологической сфере, способны детерминировать поведение и поступки людей (Зонди, 2017; Смирнов, 2014). По состоянию глубинно-психологической сферы мы можем фиксировать конкретные тенденции отклоняющегося поведения и прогнозировать его формы. Состояние глубинно-психологической сферы способно изменяться с положительной или отрицательной динамикой под воздействием различных внешних, средовых, ситуативных факторов (Смирнов, 2010), а значит, по состоянию глубинно-психологической сферы можно судить о наличии тех или иных средовых условий, способствующих формированию психологической готовности к отклоняющемуся поведению.

Выбранная область исследований определила их объект и предмет. В качестве объекта исследований выступила личность юношеского возраста. Предметом исследований стала глубинно-психологическая сфера и ее особенности.

В качестве основной цели исследования выступает изучение и представление деструктивных и самодеструктивных тенденций в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской и сельской местности.

Гипотезы исследования:

1. Существуют значимые различия в характеристиках глубинно-психологической сферы юношей, проживающих в городской и сельской местности.

2. Деструктивные тенденции в структуре глубинно-психологической сферы личности юношей из города и сельской местности, имеют специфическую выраженность.

Обзор литературы

Проблема изучения деструктивного поведения занимает особое место в научном дискурсе. Представители разных научных направлений занимаются выявлением факторов, механизмов и маркеров деструктивного поведения. Однако проблема заключается в том, что в работах наряду с термином «деструктивное поведение» часто используются определения «отклоняющееся», «рискованное», «аддиктивное» поведение, что обусловлено значительным количеством оснований для классификаций форм подобного поведения как деструктивного (Curry & Youngblade, 2006).

Под деструктивным поведением может пониматься вся совокупность девиантных форм поведения (девиантное, делинквентное, аддиктивное, агрессивное, самодеструктивное, суицидальное), признаками которых являются нарушение норм и границ, нанесение ущерба самому деструктору и социуму, социальная опасность и однозначная негативная социальная оценка такого поведения, социальная дезадаптация и нарушение нормальной жизнедеятельности самого деструктора. Такое понимание деструктивного поведения принимается социологами, психологами, правоведами, педагогами, медицинскими психологами, девиантологами.

Несмотря на общую признанность такого определения, одной из методологических проблем в изучении деструктивного поведения выступает тот факт, что все указанные направления стоят на различных методологических и методических позициях, определяют только свою узкую предметную область интереса в отношении деструктивного поведения, по-разному представляют его этиологические факторы и исходят из своей методологии, терапии и профилактики. Возникшая методологическая изолированность, монодисциплинарность и связанная с ними предметная узость привели к «коллекционированию» разноуровневых черт деструктивной индивидуальности, этиологических, детерминирующих факторов деструктивного поведения и его рисков, представлению множества

моделей механизмов его развития. Так, представители социологического направления выявляют социальные факторы риска возникновения деструктивного поведения. Например, группа ученых во главе с S. V. Menon в качестве маркеров подобного поведения рассматривает протестность, стремление к социальной оппозиции (Menon et al., 2019). J. P. Schneider и R. R. Irons, изучая самодеструктивное поведение, приходят к выводу о том, что оно формируется как результат неразрешимых для личности проблем в межличностном взаимодействии (Schneider & Irons, 2001). О. В. Кружкова с коллегами исследуют проблемы деструктивного поведения молодежи с точки зрения вандализма в городской среде (Руденкин и др., 2018).

Под деструктивным поведением может пониматься вся совокупность девиантных форм поведения, признаками которых являются нарушение норм и границ, нанесение ущерба самому деструктору и социуму, социальная опасность и однозначная негативная социальная оценка такого поведения, социальная дезадаптация и нарушение нормальной жизнедеятельности самого деструктора

Интернет как новый феномен культуры и технологии также открыл новые аспекты для изучения деструктивности. В последние годы появилось значительное количество исследований, посвященных изучению деструктивного поведения в интернет-среде. Z. Hussein с коллегами рассматривали средовые факторы возникновения онлайн-игровой зависимости (Hussein, Griffiths, & Baguley, 2012). М. Р. Арпентьева вводит в научный дискурс понятие «цифровые беспризорники». По ее мнению, многие современные обучающиеся демонстрируют типичные для беспризорников черты: отчуждение, десоциализацию, общую деструкцию личности и ее структур, а также деструкцию в отношениях с миром и с собой (Арпентьева, 2017). Г. У. Солдатова с коллегами анализируют риски возникновения различных форм деструктивного поведения в онлайн-среде, в том числе такого варианта, как кибербуллинг (Солдатова, Шляпников, Журина, 2015).

Исследователи в области психологии личности выявляют психологические особенности людей, склонных к деструктивному поведению. Н. G. Sotoudeh, М. А. Nazari, М. А. Mirhashemi считают, что факторами устойчивости или подверженности личности к подобному поведению являются такие проблемные личностные сферы, как «самоконтроль», «уверенность в себе», «опыт самостоятельного решения проблем» (Sotoudeh, Nazari, & Mirhashemi, 2021). Р. Ghazal в качестве ведущих личностных черт, коррелирующих с деструктивным поведением, выделяет импульсивность, стремление «попробовать запретное», специфические реакции на стресс (Ghazal, 2019). Е. А. Азарова рассматривает аддикции как парадокс деструкции и компенсации личности, считает, что определенные личностные особенности (лживость, тревожность, агрессивность, жестокость, ригидность) способствуют возникновению не только деструктивных, но и криминогенных форм поведения (Азарова, 2021). S. Tabachnikov с коллегами установили, что показатели психоэмоционального состояния молодых людей, склонных к игровой и табачной зависимостям, и людей, не склонных к этим аддикциям, имеют отличительные особенности, а также доказали схожесть механизмов формирования данных видов аддикций и выявили факт того, что эти аддикции носят взаимоусиливающий характер (Tabachnikov et al., 2020). С. В. Хусаинова и Р. Н. Хахимзянов считают, что личностям, склонным к отклоняющемуся поведению, характерны негативизм, подозрительность, агрессивность, чувства обиды и вины (Хусаинова, Хахимзянов, 2019).

Так называемые профилактическое и коррекционно-терапевтическое направления также вносят свой существенный вклад в исследования деструктивности. В качестве методов работы с людьми, склонными к деструктивному поведению, Р. Moradi, F. F. Lavasani и М. Dejman предлагают различные формы работы с семьей (Moradi, Lavasani, & Dejman, 2019). А. М. Morales и коллеги – вовлечение в творческую деятельность (Morales et al., 2020). З. Ф. Зверева показывает ресурсы занятий музыкой (Зверева, Мирошник, 2019), А. Ю. Егоров и С. В. Гречаный – использование спортивных мероприятий (Егоров, Гречаный, 2019), другие авторы рассматривают возможности социально-культурной деятельности (Bezliudnyi et al., 2019); Бояршинова, 2015).

Достаточно молодым является направление изучения деструктивного поведения в профессиональной деятельности и профилактирующей профориентологии (Darius, 2017). Е. А. Круглова предлагает подходить к решению данной проблемы с позиций системного подхода (Круглова, Попель, 2020). С. А. Дружилов рассматривает профессиональные деструкции личности как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации. По его мнению, профессио-

нально деструктивное поведение характеризуется разрушением или деструктивным построением личности и деятельности (Дружилов, 2017).

А. С. Каткова и И. В. Вачков установили психологические детерминанты деструктивных вариантов личностно-профессионального развития студентов (Каткова, Вачков, 2020). Е. А. Печенкова с коллегами разработали психотехнологии предупреждения и коррекции деструктивных копинг-стратегий у руководителей и сотрудников органов внутренних дел (Печенкова, Рогов, Самойленко, 2020).

Клинические аспекты формирования и проявления различных деструкций поведения описывались в работах V. A. Minkin и N. N. Nikolaenko (Minkin & Nikolaenko, 2008). С точки зрения клиницистов, деструктивное поведение понимается, прежде всего, как зависимое от употребления определенных психоактивных химических веществ (García et al., 2021; Miller et al., 2001; Schneider & Irons, 2001), нарушений пищевого поведения (Рахимкулова, 2020). В. Н. García с коллегами выявили, что на риск появления деструкций поведения может оказывать влияние наличие синдрома дефицита внимания и гиперактивности (García et al., 2021).

Н. П. Фетискин также придерживается позиции клиницистов, обосновывая положение о том, что деструкции личности и поведения проявляются в мозаично искаженном восприятии мира, имеющем широкий диапазон ценностных, психических, поведенческих отклонений, а также нарушений когнитивно-мотивационных структур (Фетискин, Миронова, 2017).

До настоящей публикации без внимания оставалось глубинно-психологическое направление изучения деструктивного поведения молодежи. Этот пробел восполняется представленными материалами. Глубинно-психологическая сфера включает область глубинных побуждений и включенных в них глубинных экзистенциальных потребностей, постулированных швейцарским психологом Леопольдом Зонди в рамках одного из направлений глубинной психологии – судьбоанализа (Schicksalsanalyse), основателем которого он является (Зонди, 2017).

По мнению Л. Зонди, побуждением и его вектором является единство двух потребностей, преследующих удовлетворение одной и той же биопсихической цели. Иными словами, в структуру каждого побуждения Л. Зонди включает по паре экзистенциальных потребностей. Побуждения благодаря этим потребностям становятся осуществляемой деятельностью. Всего в глубинно-психологической структуре личности Л. Зонди выделил восемь основных потребностей.

1. Сексуальное побуждение (S) заключается в диалектическом единстве потребностей в любви (h) и по-

требности в активности (s). Экзистенциальной глубинной целью побуждения является продолжение рода.

2. Пароксизмальное побуждение (P) охватывает сферу аффектов и область эмоционального контроля. Оно представляет диалектическое единство двух потребностей – потребности в этической регуляции поведения (e) и потребности в моральной регуляции поведения (hy). Указанные потребности пароксизмального побуждения имеют целью эмоционально-аффективную регуляцию поведения и в ряде случаев призваны выполнять роль защитных механизмов для достижения психического равновесия и здоровья личности. Экзистенциальной генеральной целью пароксизмального побуждения является морально-этическая регуляция поведения, т. е. оно выступает как морально-этическая цензура.

3. Побуждение «Я» (Sch) выступает диалектическим единством потребности в эгосистолическом сужении Я, (k) – связь с реальным и материальным миром и потребности в эгодиастолическом расширении Я (p) – построение идеалов. Таким образом, эгосистолы представляет собой рациональную часть человеческого «Я», а эгодиастолы – духовную и иррациональную часть. Обе потребности обеспечивают достижение одной экзистенциальной цели – целостность, психическое здоровье «Я».

4. Побуждение контакта (C) является диалектическим единством потребностей в поиске объектов бытия (d) и потребности в установлении контакта с этими объектами (m). Эти потребности также обуславливают стремление человека к изменениям, к поиску нового. Генеральной целью этого побуждения выступает связь с миром и контакт с объектами бытия¹.

В нашем исследовании эти глубинные побуждения представлены векторными картинками, отражающими состояние как целостной глубинной сферы, так и отдельных ее областей – сексуальной, эмоционально-аффективной, области «Я» и контакта.

К настоящему времени уже имеется определенное число исследований, предметной областью которых стала глубинно-психологическая сфера личности и используются концептуальные положения Л. Зонди. Так, по мнению А. В. Смирнова, изучение глубинно-психологической сферы личности позволяет выделить механизмы предрасположенности к возникновению аддикций. Согласно его определению, аддиктивное поведение представляет собой рецидивирующее компульсивное, ясно и рационально немотивированное, не поддающееся контролю побуждение к совершению определенных действий или поступков, конечной целью которых является получение субъективного физического и психологического удовольствия, источником которого могут выступать как психоактивные

¹ Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди*: учебное пособие. Университет. EDN QXUJPL.

вещества (ПАВ), так и различные виды деятельности, опредмечивающие аддикцию (Смирнов, 2010).

Е. В. Мирошник на основе оценки сознательного и бессознательного уровней, потребностной сферы и побудительных мотивов личности разрабатывает методику глубинной психологической оценки эффективности индивидуального стиля деятельности (Мирошкин, Минкин, 2019).

А. И. Ложкин, разрабатывая проблему мотивации деструктивного поведения и его криминальных проявлений, опирался на разработанный им мотивационно-смысловой подход и выделил глубинные аспекты мотивации поведения агрессивного и насильственного преступника².

А. А. Розанова рассматривала нормативное и ценностное ограничение стремления людей к удовлетворению своих потребностей как модель репрессивного формирования поведения, итогом которого может явиться деструкция (Розанова, Розанов, 2020).

В. М. Труш и Н. Д. Гомонов с помощью методики Л. Зонди исследовали структуру потребностно-побудительной сферы личности делинквентов (Труш, Гомонов, 2018), а Н. Л. Ковалева, используя методику и методологию Л. Зонди, выявила особенности глубинно-психологической сферы подростков, проявляющих деструктивные поведенческие тенденции. Полученные данные были также использованы для коррекции агрессивного поведения (Ковалева, 2020).

Методология, методы и материалы исследования

Тематика работы, рассматриваемые в ней вопросы обусловили использование ряда теоретических положений, разработанных как отечественными, так и зарубежными психологами.

Прежде всего, необходимо отметить судьбоаналитический подход, разработанный представителем швейцарской школы глубинной психологии Л. Зонди (Зонди, 2017), который позволил исследовать и проанализировать процессы и тенденции развития, происходящие в глубинно-психологической сфере молодых людей.

Исследование различных аспектов развития личности в юношеском возрасте опиралось, с одной стороны, на концепцию развития личности, разработанную Э. Эриксоном, с другой стороны, на теоретические разработки В. Н. Мясищева, постулированные им в рамках концепции психологии отношений. Анализ различных форм отклоняющегося поведе-

ния опирался на мотивационно-смысловой подход А. И. Ложкина и идеи А. В. Смирнова в области базовых психологических компонентов аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности³ (Смирнов, 2010).

В качестве теоретических методов исследования применялись сравнительно-аналитический, индуктивный и дедуктивный методы. В качестве эмпирических методов исследования выступили методы направленной беседы, наблюдения, а также психодиагностический метод. Для диагностики выбрана методика экспериментальной диагностики побуждений «Szondi-Test» (Л. Зонди). Валидность и надежность данной методики была доказана в проведенных ранее специально организованных исследованиях⁴. Коэффициент надежности теста составляет 97 % (KR= 0.97). Статистическая обработка данных проводилась как ручным способом, так и при помощи программного пакета «Statistica».

Критериями отбора испытуемых в исследовательскую выборку стали пол, возраст, деятельность и культурно-историческая среда проживания. По критерию пола все испытуемые – лица мужского пола. По критерию возраста все испытуемые относятся к юношескому возрасту. В соответствии с критерием деятельности все испытуемые на момент исследования находились в процессе получения образования.

Кроме того, в ходе работы учитывался тот факт, что участники исследования большей частью проживают в различных культурно-информационных средах.

Под культурно-информационной средой нами понималась совокупность условий жизни испытуемых, характеризующихся рядом признаков, таких как: урбанизация среды, специфика бытовой и социальной инфраструктуры, доступность и многообразие различных форм деятельности, информационная насыщенность и экономические условия. В связи с этим был выделен критерий культурно-информационной среды проживания. В соответствии с этим критерием и с выделенными признаками культурно-информационной среды участники исследования были разделены на две группы. В первую группу «юноши-город» вошло 110 молодых людей, которые являются коренными жителями городов Свердловской области. Вторую группу «юноши-сельская местность» составили 110 молодых людей, коренных жителей сел и деревень Свердловской области.

В нашем исследовании проводилось трехкратное тестирование каждого испытуемого. В результате

² Ложкин, А. И. (2003). *Психология поведения девиантной личности: Учеб-метод. пособие*. Уральский государственный педагогический университет.

³ Там же.

⁴ Смирнов, А. В. (2005). *Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностике побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие*. Университет. EDN QXUJPL.

тестирования получены сведения о состоянии четырех глубинно-психологических сфер – сексуальной, пароксизмальной, сферы «Я» и сферы контактов, выражающиеся в тесте векторными картинами.

Результаты исследования

С целью выбора статистических методов обработки, в каждой группе определялся характер распределения переменных. Распределение определялось по всем переменным с применением критерия Dmax. Колмогорова-Смирнова. Анализ данных показал, что распределение данных в выборке «Юноши-город» на 94 %, а в выборке «Юноши-сельская местность» на 100 % не соответствует нормальному. Следовательно, при обработке данных необходимо использовать непараметрические критерии.

Для определения репрезентативности использовалась проверка устойчивости распределения. Принято считать, что если распределение, полученное на половине выборки, хорошо моделирует целое распределение, то, в свою очередь, это целое распределение будет хорошо отражать распределение всей генеральной совокупности.

При проверке устойчивости распределения выборка разделялась методом нечетной сортировки на две половины. Сравнение двух половин проводилось с применением критерия λ Колмогорова-Смирнова. Высокие проценты репрезентативности (соответственно 100 % и 97 %) означают однородность, гомогенность

групп, отсутствие каких-либо внутренних факторов, способных исказить результаты, которые являются достаточно устойчивыми. Таким образом, выводы, полученные в ходе нашего исследования, можно распространять на достаточно обширные объемы генеральной совокупности, в состав которой входят молодые люди юношеского возраста мужского пола, проживающие в городской и сельской местности.

На следующем этапе исследования производились оценка состояния и сравнительный анализ всей глубинно-психологической сферы у городской и сельской молодежи отдельно.

Данные были получены с помощью теста Л. Зонди. С этой целью первоначально проводился подсчет частоты встречаемости векторных картин в каждой группе.

Затем производилась оценка доверительных интервалов на уровне 95 % значимости в частотной выраженности векторных картин в каждом векторе отдельно. Эта процедура позволила выделить в каждом векторе наиболее значимые векторные картины в глубинной сфере молодых людей в обеих группах (табл. 1).

Для того чтобы определить принадлежность указанных векторных только к группе «юноши-город» или «юноши-сельская местность», частотные показатели сравнивались между собой по критерию χ^2 .

Как видно из таблицы 2, наблюдается отсутствие статистически значимых различий в глубинно-психологической сфере юношей, проживающих в городской

Таблица 1. Векторные картины теста Л. Зонди, набравшие наибольшую частоту в группах «юноши-город» и «юноши-сельская местность»

Table 1. Vector patterns of the L. Szondi test, with the highest frequency in the « Young male - urban» and « Young male - rural» groups

№ Позиции	Сексуальный вектор (S)				Пароксизмальный вектор (P)				Вектор «Я» (Sch)				Вектор контактов (C)			
	Городские		Сельские		Городские		Сельские		Городские		Сельские		Городские		Сельские	
	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота	Векторная картина	Частота
1	++	22	+!! -	16	+ -	19	+! -	24	- +	33	-!! 0	22	- +	18	- #	23
2	+ -	19	+!! +	12	0 -	18	-! -	17	- 0	26	-!! +	20	- #	15	0 #	22
3	+ 0	14	- 0	11	--	17	- #	14	= 0	16	-!! -	14	0 #	14	+ #	18
4	0 -	12	+! #	10	# -!	11	# 0	12	# +	15	# 0	13	0 0	13	0 +!	15
5	+ #	11	= 0	9	- 0	9	0 -!	11	0 0	14	0 #	12	- 0	12	- +!	14
6	0 #	8	+ 0	8	0 #	7	# -!	10	0 +	12	+ #	8	+ #	10	++	13

и сельской местности по всем векторам. Отсутствие различий можно объяснить тем обстоятельством, что и те, и другие испытуемые находятся на одной стадии возрастного развития и сталкиваются с решением единых проблем личностного, социального и профессионального становления. Отсутствие различий при анализе целостной картины глубинной сферы молодых людей не означает несущественность выделенного критерия культурно-информационной среды проживания, а показывает, что особенности и закономерности, обнаруживаемые при анализе целостной глубинно-психологической сферы молодых людей, можно рассматривать как характерные и общие для обеих категорий юношей.

При этом на уровне тенденций отмечаются количественно-качественные различия между городской и сельской молодежью в векторе «Я». Сравнение городской и сельской групп молодежи методом углового преобразования Фишера (ϕ^* -критерия) показало, что доля лиц с деструктивными картинами «Я» в группе сельской молодежи больше, чем в городской ($\phi_{\text{эмп.}}=5,44 > \phi_{\text{крит.}}=2,31$ при $p < 0,01$). А это значит, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у сельской молодежи оказывается выше.

Обсуждение результатов исследования

Обнаруженные различия между городскими и сельскими юношами в векторе «Я» могут быть связаны с тем, что сельская культурно-информационная среда предоставляет меньше возможностей для самоактуализации личности по сравнению с городской. Перспективы будущей жизни молодого сельского жителя менее позитивны, чем у городского. И, наконец, чтобы начать жизнь в городе, юноши из села должны будут все начинать «с нуля», отделившись от родителей, в то время как горожанин уже проживает в городе и может опираться на базу, созданную родителями. Возможно, этот

конфликт между желаемым и возможным и порождает деструктивные тенденции.

Далее рассмотрим основные глубинно-психологические тенденции личности юношей по векторам (табл. 2).

Вектор контактов (С)

Данные показывают наличие естественного возрастного переломного периода личностного развития юношей. Этот период можно обозначить как кризисный, когда в области взаимоотношений личности с социумом, в ее коммуникативной сфере наблюдаются множественные глубинные противоречивые тенденции. Так, с одной стороны, для юношей характерна сильная привязанность к родителям (- +), от которых они находятся в психологической, экономической и социальной зависимости (- +!!), (0 +!!). Родители остаются значимыми объектами любви и привязанности для юношей. Родительская опека способствует сохранению инфантилизма молодых людей (0 0) (таблица 1). С другой стороны, наблюдается начало естественного возрастного процесса сепарации от родителей. Проявляется стремление к расширению социальных контактов и отношений (+ +), стремление к выходу из-под родительской опеки (+ ±). При этом развитие более широких, чем детско-родительские социальные связи и отношения, сопровождается конфликтами. Суть этих конфликтов может быть изложена следующим образом. Молодые люди уже утрачивают прочную и гармоничную связь с родителями (- 0). Она расшатывается, становится непрочной (0 ±). Юноши стремятся разорвать эту связь и выйти на поиск нового, не родительского, значимого объекта привязанности, развить новые социальные взаимоотношения (+ ±). Однако будучи инфантильными и зависимыми от родителей (0 0), (- +), (- +!!) они не могут быстро и успешно адаптироваться в новых социальных условиях (- ±). Поэтому, разрывая связь

Таблица 2. Результаты сравнения векторных картин с наибольшей частотой встречаемости в группах испытуемых

Table 2. Results of comparing the vector patterns with the highest frequency in the subject groups

Вектор	χ^2 эмп.	ν	χ^2 крит.
Сексуальный S	0,65	5	15,086
Пароксизмальный P	1,43	5	15,086
Вектор «Я» Sch	0,66	5	15,086
Вектор контактов С	0,25	5	15,086

Примечание: Различия могут считаться статистически значимыми, если χ^2 эмп. > χ^2 крит. при уровне статистической значимости ($p < 0,01$) для соответствующей степени свободы (ν)

с родителями ($0 \pm$), противопоставляя себя родителям, все же продолжают цепляться за прежний мир этих детско-родительских отношений, стремятся сохранить и даже продлить эту связь ($- 0$), ($- \pm$). Такие противоположные тенденции постоянно борются между собой, и ни одна из них не может одержать верх.

Следствием этого является выраженность противоречивых психологических особенностей личности и поведения молодежи в данном возрасте. Отметим наиболее важные из них. Противопоставление себя официальным авторитетам и подверженность влиянию со стороны лиц, которые несут в себе бессознательный образ отца или матери. Неустойчивость в отношениях и верность, преданность значимым для себя лицам и стремление к независимости с одновременной же выраженностью инфантильной потребности в опеке, заботе, защите. Такие векторные картины как ($-+$), ($- +!!$), ($- 0$), ($- \pm$) свидетельствуют также о неспособности молодых людей быстро адаптироваться в новых жизненных ситуациях.

Анализ показывает, что глубинно-психологическая сфера контактов отражает естественные кризисные процессы возрастного и личностного развития молодых людей, типичный для этого возраста процесс сепарации от родителей, переполненный противоречиями и конфликтами.

Сексуальный вектор (S)

Здесь также отражаются различные противоречивые глубинно-психологические тенденции, которые сопровождают процесс сепарации. С одной стороны, молодые люди проявляют жизненную активность, готовность к социально полезной деятельности, стремятся осваивать жизненное пространство, проявлять самостоятельность ($+ +$), ($+ 0$), развивать новые социальные связи и отношения, в которых большое значение придается отношениям с лицами противоположного пола ($+ +$). С другой стороны, юноши пока еще остаются чрезвычайно привязанными к родителям и находятся под их контролем ($+ \pm$), ($+! \pm$). Решение этого противоречия зависит как от индивидуальных особенностей, так и от характера отношений, сложившихся у молодого человека с родителями. Оно может проходить по крайней мере четырьмя путями (этими же путями может проходить, соответственно, и развитие личности).

Первый путь – нормальная социализация – усвоение социального опыта, социально одобряемых норм и форм поведения, системы социальных связей и отношений, приобретение социальных ценностей и личных убеждений, необходимых для нормальной общественно полезной жизни, занятие активной социально- и личностно-полезной жизненной позиции ($+ +$). Она является результатом здорового психологического климата в семье, адекватной

воспитательной политики родителей, проявления ими любви и заботы по отношению к сыну в раннем детстве и подростковом возрасте, что формирует позитивное отношение к более широкому социальному окружению. Благодаря активному межличностному общению, процессы развития высших психических функций (внимание, восприятие, мышление, память и др.) идут без задержки и способствуют расширению адаптивных способностей. Как следствие, зависимость от родителей постепенно уменьшается и развивается способность к самостоятельному, независимому существованию и последующей социализации.

Второй путь – агрессивное поведение – развитие агрессивных отношений с родителями ($+!! +$). Эти отношения характеризуются грубостью, жесткостью, постоянными стычками, конфликтами, душевной черствостью и холодностью ($0 \pm$), а иногда физической агрессией ($- 0$) как по отношению к родителям, так и к более широкому окружению. Одним из базовых факторов формирования агрессивного поведения является неприятие или прямое отвержение ребенка со стороны матери еще в раннем детстве. Отвержение способствует хроническому дефициту удовлетворения витальных потребностей ребенка и формирует его постоянную зависимость от матери, потому что только она может удовлетворить эти потребности. Пока сохраняется потребность, сохраняется и зависимость. Этот паттерн переносится на последующие возрастные этапы развития. Поэтому для агрессивных личностей характерны хроническая неудовлетворенность витальных потребностей и столь же хроническая зависимость от объектов, которые могут их удовлетворить. Это создает такую ситуацию, при которой окружающая социальная среда воспринимается как опасная. Последствиями такого «экстремального» существования является задержка процесса формирования адаптивных способностей к независимой, самостоятельной жизни. Эта задержка способствует замедленному и неглубокому развитию психических функций, примитивному уровню личностного развития, сниженному интеллекту, скудности и узости интересов. Формируется ограниченный набор средств и способов социальной адаптации, где агрессивное и агрессивно-насильственное поведение является ведущим.

Третий путь – пассивность и ведомость – отказ от активной жизненной позиции, который сопровождается пассивным ожиданием помощи и поддержки со стороны других лиц, ведомостью, подчиненностью, отказом от сопротивления насилию и от преодоления трудностей ($+ -$), ($+! -$), ($0 -$). В связи с этим важно отметить, что картины ($+ -$) и особенно ($+! -$) свидетельствуют о наличии у определенной части молодых людей тенденции к нарушениям психосексуального развития, а именно инверсии цели сексуального влечения и метатропизма в психосоциальном развитии. Практика

психологического консультирования подростков и молодежи показывает, что одним из решающих факторов в формировании этих отклонений является нарушение половой идентификации мальчиков в раннем детстве и подростковом возрасте. Она может быть результатом агрессивно доминирующей, подавляющей роли матери в семье, «кастрирующих» воспитательных мер с ее стороны, формирования негативного отношения к мужчинам, принижения роли отца и неучастия последнего в воспитании сына. Следствием чего является формирование пассивной жизненной позиции и указанных психологических особенностей личности.

Четвертый путь – психическая регрессия и аддиктивность как форма медленной самодеструкции – развитие гедонистического стиля жизни. Не справляясь с жизненными трудностями, в качестве защиты личность бессознательно регрессирует на более ранние инфантильные стадии развития (± 0). Поведенчески это проявляется в сниженной переносимости трудностей, слабости эмоционально-волевой регуляции поведения, безответственности, лживости, стремлении к удовольствиям как результат бегства от трудностей. Резко возрастает опасность различных форм аддиктивного поведения, в том числе наркомании и алкоголизма. Корни регрессивного и аддиктивного поведения следует искать также в семейной атмосфере и отношениях, которые характеризуются эмоциональной скудностью, скупостью чувственных переживаний. Следствием чего является формирование эмоциональной отчужденности, неразвитость коммуникативных навыков.

Как известно, межличностные отношения требуют больших эмоциональных затрат, немалых интеллектуальных усилий и отдачи. Но именно это представляет для определенной части молодых людей основную трудность, формирует комплекс неполноценности и страх его обнаружить. Поэтому эмоциональные отношения устанавливаются не с живыми людьми, а с определенными неодушевленными явлениями, предметами, деятельностью. Такие отношения для аддикта всегда кажутся безопасными, предсказуемыми, гарантированно дают чувство комфорта и удовольствия. В отличие от отношений с живыми людьми, они не несут проблем, разочарований, конфликтов. Так формирующаяся аддиктивная зависимость становится стилем жизни, благодаря которому аддикт отгораживается от социального взаимодействия и постепенно регрессирует в развитии во всех отношениях.

Таким образом, сексуальный вектор, так же как и сфера контактов, отражает естественные кризисные процессы возрастного и личностного развития молодых людей.

Вектор «Я»

Данные анализа этого вектора представляют особую важность, поскольку выраженность тех или иных защитных механизмов, входящих в структуру и побу-

ждения «Я», позволяет судить о способах и формах адаптации индивида к окружающей действительности, сохранности его психического здоровья, способах бессознательного совладания с различными душевными противоречиями. Именно человеческое «Я» выступает той инстанцией, которая определяет человеческую сущность индивида и выделяет его из мира животных. Кроме того, данные анализа этого вектора подтверждают и дополняют предложенные нами типы личности. И, наконец, именно в векторе «Я» обнаруживаются количественно-качественные различия между городской и сельской молодежью.

Такие векторные картины, как $(- +)$, (± 0) , $(\pm +)$, $(- 0)$, указывают на наличие различных механизмов, способствующих социально позитивной адаптации личности, усвоению социально одобряемых норм поведения в такой степени, что их соблюдение становится потребностью.

$(- +)$ – «сдержанное Я» – личность сдерживает, сдерживает любые свои стремления, которые противоречат социальным нормам. Это может проявляться в таких качествах, как дисциплинированность, исполнительность, неуверенность в себе и отсутствие инициативы.

(± 0) – «навязчивое Я» – предсудительные стремления вытесняются из сферы осознанных желаний, а социально-позитивные стремления внедряются и реализуются в поведении – отсюда навязчивость. Она отражается в таких качествах, как чрезмерная пунктуальность и педантичность, трудности в принятии решений и развитии межличностных отношений.

$(\pm +)$ – «каторжно работающее Я» – благодаря одновременному наличию механизмов навязчивости и сдерживания, личность справляется с предсудительными стремлениями. Носители этой картины «Я», как правило, проявляют такие качества, как способность переносить длительные статические и динамические перегрузки, выносливость, трудоспособность, высокую обучаемость и легкую усваиваемость любых знаний и информации, однако скованы при установлении социальных связей и отношений.

$(- 0)$ – «вытесняющее Я» – благодаря механизму вытеснения, из сферы сознания вытесняются не только явно социально неприемлемые стремления, но и любые другие, которые, с точки зрения данной личности, могут встретить осуждение со стороны окружающих. Такое тотальное вытеснение делает личность и ее адаптацию невротической. Тем не менее этот тип адаптации остается в пределах социально-позитивной нормы. Следствием невротизации являются такие качества личности, как повышение тревожности при столкновении с новыми социальными ситуациями, недооценка себя и своих возможностей.

Наличие перечисленных векторных картин сферы «Я» у определенной части молодых людей позволяет выделить их в условную группу «нор-

мально социализирующихся», которая была обозначена при анализе данных сексуального вектора.

На другом полюсе находятся векторные картины $(-!! +)$, $(-!! 0)$, $(-!! -)$, указывающие на опасные тенденции в сфере «Я» у определенной части молодых людей. В данном случае следует говорить о тенденциях к агрессивно-насильственному поведению, деструкции как ограниченных способах адаптации и о самодеструкции как показателе социальной дезадаптации, неадекватном способе разрешения внутриличностных конфликтов, возникающих в ходе развития личности. Эти тенденции могут проявляться в физически деструктивных, агрессивно-насильственных действиях против другого лица, в скрываемых суицидальных намерениях или попытках суицида, а также в стремлении к самодеструкции в других формах – алкоголизме, наркомании, «Self-Harming» (преднамеренных самоповреждениях конечностей острыми предметами с целью снять нервное напряжение). Эти выделенные особенности соотносятся с личностной спецификой «агрессивных» и позволяют выделить еще одну условную группу лиц – «самодеструкторов и суицидентов».

В следующую группу вошли векторные картины $(0 \pm)$, $(+ \pm)$, указывающие на такой способ социальной адаптации, при котором личность пассивно смиряется со всеми трудностями и отказывается преодолеть их, покорно подчиняясь обстоятельствам. Такая личность характеризуется пассивностью и ведомостью, сильной зависимостью от других, подчиненностью. Данные характеристики присущи личностям, входящим в обозначенную нами группу «пассивных и ведомых».

Векторные картины $(0 0)$, $(0 +)$ характеризуют личность с ситуационно-импульсивной регуляцией поведения, поскольку регуляторные функции «Я» оказываются предельно слабыми и неразвитыми. В данном случае отмечается неспособность устанавливать устойчивые отношения с людьми. Имеет место социальная дезадаптация в виде эмоциональной отчужденности, стремление к безудержным удовольствиям и игнорирование социальных норм. Подобные характеристики поведения присущи лицам, входящим в условную группу «регрессивных и аддиктивных».

Таким образом, вектор «Я» отражает способы социальной адаптации молодых людей в условиях кризиса возрастного развития, а также опасные тенденции этого развития, которые могут усиливаться в неблагоприятной среде.

Пароксизмальный вектор

Анализ этого вектора отражает специфику эмоциональной сферы индивида, что позволяет установить, насколько успешно или неуспешно проходит процесс социальной адаптации. Здесь учитываются регуляторная, мотивирующая и защитная функции эмоций.

Векторные картины $(+ -)$, (± 0) , диагностируемые у определенной части молодых людей, указывают на высокую степень развитости этической регуляции поведения, которая служит надежным заслоном к реализации асоциальных или девиантных стремлений. Развитость этической цензуры поведения может свидетельствовать о высокой степени социализации индивидов.

Следующая группа картин пароксизмального вектора отражает эмоциональное состояние молодых людей, которым сопровождается процесс сепарации от родителей $(\pm -!)$, $(\pm -!!)$, $(+! -)$. Эти картины показывают этическую дилемму, переживаемую молодыми людьми, с одной стороны, в связи со стремлением отделиться от родителей, стать независимыми от них, с другой стороны, в связи с чувством вины перед родителями из-за желания покинуть их. Дилемма сопровождается эмоциональной напряженностью, тревогой и даже страхами, которые, однако, тщательно скрываются юношами. Наличие этих картин указывает также на высокую развитость механизмов морально-этической регуляции поведения. Индивиды, у которых диагностируются данные картины, могут быть отнесены также к группе «нормально социализирующиеся».

Представленность таких картин, как $(- -)$, $(0 -)$, $(0 -!!)$, $(0 \pm)$ указывает на выраженность у молодых людей таких состояний, как сильная тревога, сильный страх и даже внутренняя паника, вызываемые окружающим миром, социальной средой и отношениями, складывающимися с ней. Наличие этих диагностируемых состояний может указывать на личностную незрелость юношей. Их «Я» не справляется с решением возникающих в процессе адаптации противоречий, поэтому эмоциональная сфера выступает как единственный источник регуляции поведения. В связи с чем поведение личности подвержено эмоциональным импульсам, наблюдается избегание личной ответственности и восприятие себя в качестве «жертвы обстоятельств». Данные состояния могут быть представлены у лиц, входящих в условные группы «пассивных и ведомых», а также «регрессивных и аддиктивных».

Наконец, последняя группа векторных картин $(-! 0)$, $(-! -)$, $(- \pm)$ содержательно соотносится с такими группами, как «агрессивные» и «деструкторы и самодеструкторы». Эти картины образно можно охарактеризовать как «эмоциональное состояние Каина», который временно скрывает свои агрессивно-насильственные намерения. С одной стороны, наличие минусовых реакций в приведенных картинах может указывать на парализующий личность глубинный страх и панику, которые она переживает при столкновении с окружающей социальной средой и внешним миром и накоплении в связи с этим грубых, брутально-агрессивных аффектов. С другой

стороны, реакции «0» и «±» указывают не только на импульсивный характер поведенческих актов, но также на готовность и легкость проявления агрессивных эмоций и действий. Вероятность этого достаточно высока, поскольку сдерживающие механизмы «Я» у носителя такой картины эмоциональной сферы в большинстве случаев ослаблены, поэтому эмоции, грубые аффекты управляют поведением личности⁵.

Таким образом, в пароксизмальном векторе, как и в других векторах, также отражается характер течения естественного кризисного процесса возрастного и личностного развития молодых людей, типичного для этого возраста процесса сепарации от родителей.

Данные анализа этого вектора подтверждают возможность условной дифференциации на группы «нормально социализирующихся», «агрессивных», «деструкторов и самодеструкторов», «пассивных и зависимых», «регрессивных и аддиктивных».

Выводы

1. Анализ глубинно-психологической сферы юношей показал отсутствие значимых различий у представителей городской и сельской молодежи. Таким образом, особенности и закономерности, обнаруживаемые в глубинно-психологической сфере молодых людей, можно рассматривать как характерные и общие для обеих категорий населения. Отсутствие различий можно объяснить тем, что представители и городской, и сельской молодежи находятся на одной стадии возрастного развития и сталкиваются с решением единых проблем личностного, социального и профессионального становления.

2. При анализе глубинно-психологической сферы «Я» было установлено, что вероятность проявления деструктивных и самодеструктивных тенденций у юношей, проживающих в сельской местности, оказывается выше, чем у проживающих в городе. В качестве объяснения большей выраженности деструктивных тенденций у сельской молодежи можно выдвинуть те-

зис о большей остроте конфликта между «желаемым и возможным» у этой категории населения, который усиливается снижением качества жизни в сельской местности.

3. Анализ эмпирически полученных данных показывает, что вся глубинно-психологическая сфера и ее отдельные области – сексуальная, эмоционально-аффективная, область «Я» и область контактов – отражают в себе течение естественного и нормального для юношеского возраста кризисного периода личностного и социального развития. Этот период характеризуется началом процесса сепарации молодых людей от родителей, а также наличием множественных глубинных противоречивых тенденций развития, которые отражаются в соответствующем поведении, характере и направленности деятельности личности.

4. Выделены пять условных типов личности юношей в отношении социализации и социальной адаптации – «нормально социализирующиеся», «агрессивные», «деструкторы и самодеструкторы», «пассивные и ведомые», «регрессивные и аддиктивные». В основе типологии лежат некоторые виды девиантного поведения. Однако эти девиации не являются специфичными для молодых людей, поскольку могут встречаться в любой иной популяции. Правомерность выдвинутой типологии подтверждается анализом отдельных областей глубинно-психологической сферы, их содержательной взаимосвязанностью и данными исследований, проведенными другими авторами⁶.

5. Данные, полученные в ходе исследования, обладают репрезентативностью, следовательно, получаемые закономерности можно распространять на достаточно обширные объемы генеральной совокупности, в состав которой входят юноши, проживающие в городской и сельской местности.

6. Полученные результаты дают возможность создать систему превентивных-профилактических мер, позволяющих предотвращать нарушение дисциплины, девиантное или противоправное поведение юношей.

Список литературы

- Азарова, Е. А. (2021). *Психология и педагогика девиантного поведения*: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Кредо». EDN ROUMLA.
- Арпентьева, М. Р. (2017). Проблемы безопасности в Интернете: цифровая беспризорность как причина цифровой зависимости и цифровой преступности. *Вестник Прикамского социального института*, 3 (78), 99–110. EDN ZUEEZV.
- Бояршинова, И. М. (2015). Проблемы реабилитации наркозависимой молодежи в условиях приграничного региона Оренбургской области. *Научный альманах*, 9 (11), 1360–1368. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1360>
- Дружилов, С. А. (2017). Профессионально-деструктивная деятельность как проявление профессиональной маргинализации и депрофессионализации. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 2, 45–63. <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.02.45>

⁵ Ложкин, А. И. (2003). *Психология поведения девиантной личности*: Учеб-метод. пособие. Уральский государственный педагогический университет.

⁶ Там же.

- Егоров, А. Ю., Гречаный, С. В. (2019). Современные подходы к терапии и коррекции интернет-аддикции. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, 119 (6), 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Зверева, З. Ф., Мирошник, Е. В. (2019). Опыт оптимизации функционального состояния человека музыкальными средствами. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2 (54), 49–63. EDN UJKNSE.
- Зонди, Л. (2017). *Патология побуждений. Часть А. Диалектическое учение о побуждениях и диалектические методы тестового анализа; Часть Б. Элементы точной психиатрии побуждений* (пер. с немецкого и редакция Владимира Джоса). Москва.
- Каткова, А. С., Вачков, И. В. (2020). Психологические детерминанты возникновения внутриличностных противоречий студентов. *Клиническая и специальная психология*, 9 (2), 246–265. <https://doi.org/10.17759/crpe.2020090213>.
- Ковалева, Н. Л. (2020). Применение проективных тестов для выявления и коррекции агрессивного поведения подростков в условиях детского дома. *Человек и образование*, 2 (63), 66–71. <https://doi.org/10.54884/S181570410020781-4>
- Круглова, Е. А., Попель, Н. В. (2020). Системный подход к исследованию профессиональных деструкций личности педагогов. *Системная психология и социология*, 4 (36), 34–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.36.4.3>
- Мирошник, Е. В., Минкин, В. А. (2019). Полиэфекторный метод диагностики профиля побуждений и потребностей рsуcomfort для оценки эффективности индивидуального стиля деятельности сотрудников. *Современная психофизиология. Технология виброизображения*, 1 (2) 39–45. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.5>
- Руденкин, Д. В., Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., Кривошекова, М. С. (2018). Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации. *Образование и наука*, 20 (2), 125–146. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-125-146>
- Печенкова, Е. А., Рогов, А. В., Самойленко, А. Б. (2020). Психологическая технология предупреждения деструктивных копинг-стратегий у руководителей органов внутренних дел Российской Федерации. *Прикладная психология и педагогика*, 5 (3), 39–53. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-96-110>
- Рахимкулова, А. С. (2020). Последствия рискованного поведения для физического и психического здоровья подростков. *Девиантология*, 4 (1(6)), 3–15. [https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01\(6\)-3-15](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15)
- Розанова, А. А., Розанов, Ф. И. (2020). Теоретико-методологические основания применения экономического исследования мотивационной и поведенческой сферы в психологических теориях. *Проблемы социально-экономического развития Сибири*, 3 (41), 40–46. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-40-46>
- Смирнов, А. В. (2010). Глубинно-психологические механизмы предрасположенности к аддиктивному поведению в структуре интегральной индивидуальности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 3, 214–223. EDN: NBPSVL.
- Смирнов, А. В. (2014). Половые особенности проявлений “аддиктивного”, “пограничного” и “неаддиктивного” типов индивидуальности на глубинно-психологическом уровне интегральной индивидуальности. *Европейский журнал социальных наук*, 6-3 (45), 329–337. EDN TJLDJD.
- Солдатова, Г. У., Шляпников, В. Н., Журина, М. А. (2015). Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн». *Консультативная психология и психотерапия*, 3 (87), 50–66. <https://doi.org/10.17759/crp.2015230304>
- Труш, В. М., Гомонов, Н. Д. (2018). Криминогенная зараженность личности преступника с позиции судьбоанализа L. Szondi. *Юридические исследования*, 1, 1–30. EDN YOEFSEI.
- Фетискин, Н. П., Миронова, Т. И. (2017). Мозаичность личностной направленности в генезисе молодежных девиантных новообразований. *Системная психология и социология*, 4 (24), 28–41. EDN YLBXEM.
- Хусаинова, С. В., Хакимзянов, Р. Н. (2019). Исследование психологических особенностей личности, склонной к девиантному поведению. *Казанский педагогический журнал*, 6 (137), 195–201. EDN XYBMVZ.
- Bezliudnyi, O., Kravchenko, O., Maksymchuk, B., Mishchenko, M., & Maksymchuk, I. (2019). Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators. *Journal of Physical Education and Sport*, 19 (3), 1585–1590. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.03230>
- Darius, S., Boeckelmann, I., Tymbota, M. O., Zavgorodnii, I. V., Zavgorodnia, N. I., & Kapustnik, W. A. (2017). Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers. *New Armenian Medical Journal*, 11. (2), 63–71. EDN XNXMQJ.
- Curry, L. A., & Youngblade, L. M. (2006). Negative affect, risk perception, and adolescent risk behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 27 (5), 468–485. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2006.06.001>
- García, B. H., Vázquez, A. L., Moses, J. O., Cromer, K. D., Morrow, A. S., & Villodas, M. T. (2021). Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD. *Child Abuse and Neglect*, 114, 104977. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.104977>

- Ghazal, P. (2019). Rising trend of substance abuse in Pakistan: a study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation centres. *Public Health*, 167, 34–37. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.10.020>
- Hussein, Z., Griffiths, M. D., & Baguley, T. (2012). Online gaming addiction: classification, prediction and associated risk factors. *Addiction Research & Theory*, 20 (5), 359–371. <https://doi.org/10.3109/16066359.2011.640442>
- Menon, S. V., Thakur, H., Shorey, R. C., & Cohen, J. R. (2019). Predicting Adolescent Substance Use in a Child Welfare Sample: A Multi-Indicator Algorithm. *Assessment*, 28 (4), 1207–1218. <https://doi.org/10.1177/107319111988096>
- Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J., Clayton, R., Welsh, R., & Elzie, N. (2001). Intimacy in addicted couples: clinical issues and case studies. *Journal of Couples Therapy*, 10 (3-4), 51–62. https://doi.org/10.1300/J036v10n03_06
- Minkin, V. A., & Nikolaenko, N. N. (2008). Application of Vibraimage Technology and System for Analysis of Motor Activity and Study of Functional State of the Human Body. *Biomedical Engineering*, 42 (4), 196–200. <https://doi.org/10.1007/s10527-008-9045-9M>
- Moradi, P., Lavasani, F. F., & Dejman, M. (2019). Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 8 (2), e83781. <https://doi.org/10.5812/ijhrba.83781>
- Morales, A. M., Jones, S. A., Kliamovich, D., Harman, G., & Nagel, B. J. (2020). Identifying Early Risk Factors for Addiction Later in Life: a Review of Prospective Longitudinal Studies. *Current Addiction Reports*, 7 (1), 89–98. <https://doi.org/10.1007/s40429-019-00282-y>
- Tabachnikov, S., Osukhovskaya, O., Vasylyeva, G., Kharchenko, E., Salden, V., & Chepunna, A. (2020). Psychoemotional Synergy Register of Non-chemical Addiction and Tobacco Smoking in Young People. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 11 (3), 578–582. <https://doi.org/10.34883/PI.2020.11.3.014>
- Schneider, J. P., & Irons, R. R. (2001). Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse. *Substance Use & Misuse*, 36 (13), 1795–1820. <https://doi.org/10.1081/ja-100108428>
- Sotoudeh, H. G., Nazari, M. A., & Mirhashemi, M. (2021). Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill. *Iranian Journal of Psychiatry*, 16 (3), 295–304. <https://doi.org/10.18502/ijps.v16i3.6255>

References

- Azarova, E. A. (2021). *Psihologiya i pedagogika deviantnogo povedeniya: monografiya*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Kredo". EDN ROUMLA.
- Arpent'eva, M. R. (2017). Problemy bezopasnosti v Internete: cifrovaya besprizornost' kak prichina cifrovoj zavisimosti i cifrovoj prestupnosti. *Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta*, 3 (78), 99–110. EDN ZUEEZV.
- Boyarshinova, I. M. (2015). Problemy reabilitacii narkozavisimoy molodezhi v usloviyah prigranichnogo regiona Orenburgskoy oblasti. *Nauchnyj al'manah*, 9 (11), 1360–1368. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1360>
- Druzhilov, S. A. (2017). Professional'no-destruktivnaya deyatel'nost' kak proyavlenie professional'noj marginalizacii i deprofessionalizacii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya*, 2, 45–63. <https://doi.org/10.11621/vsp.2017.02.45>
- Egorov, A. Yu., Grechanyj, S. V. (2019). Sovremennye podhody k terapii i korekcii internet-addicicii. *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S. S. Korsakova*, 119 (6), 152–159. <https://doi.org/10.17116/jnevro2019119061152>
- Zvereva, Z. F., Miroshnik, E. V. (2019). Opyt optimizacii funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka muzykal'nymi sredstvami. *Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 2 (54), 49–63. EDN UJKNSE.
- Zondi, L. (2017). *Patologiya pobuzhdenij. Chast' A. Dialekticheskoe uchenie o pobuzhdeniyah i dialekticheskie metody testovogo analiza; Chast' B. Elementy tochnoj psihiatrii pobuzhdenij* (per. s nemeckogo i redakcija Vladimira Dzhosha). Moscow.
- Katkova, A. S., Vachkov, I. V. (2020). Psihologicheskie determinanty vozniknoveniya vnutrilichnostnyh protivorechij studentov. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, 9 (2), 246–265. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090213>
- Kovaleva, N. L. (2020). Primenenie proektivnyh testov dlya vyyavleniya i korekcii agressivnogo povedeniya podrostkov v usloviyah detskogo doma. *Chelovek i obrazovanie*, 2 (63), 66–71. <https://doi.org/10.54884/S181570410020781-4>
- Kruglova, E. A., Popel', N. V. (2020). Sistemnyj podhod k issledovaniyu professional'nyh destrukcij lichnosti pedagogov. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 4 (36), 34–47. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2020.36.4.3>
- Miroshnik, E. V., Minkin, V. A. (2019). Polieffektivnyj metod diagnostiki profilya pobuzhdenij i potrebnostej psycomfort dlya ocenki effektivnosti individual'nogo stilya deyatel'nosti sotrudnikov. *Sovremennaya psihofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya*, 1 (2) 39–45. <https://doi.org/10.25696/ELSYS.VC2.RU.5>
- Rudinkin, D. V., Vorob'eva, I. V., Kruzhkova, O. V., Krivoschekova, M. S. (2018). Molodezhnyj vandalizm v srede megapolisa: granicy normy i deviacii. *Obrazovanie i nauka*, 20 (2), 125–146. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-125-146>
- Pechenkova, E. A., Rogov, A. V., Samojlenko, A. B. (2020). Psihologicheskaya tekhnologiya preduprezhdeniya destruktivnyh koping-strategij u rukovoditelej organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. *Prikladnaya psihologiya i pedagogika*, 5 (3), 39–53. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-96-110>

- Rahimkulova, A. S. (2020). Posledstviya riskovannogo povedeniya dlya fizicheskogo i psihicheskogo zdorov'ya podrostkov. *Deviantologiya*, 4 (1(6)), 3–15. [https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01\(6\)-3-15](https://doi.org/10.32878/devi.20-4-01(6)-3-15)
- Rozanova, A. A., Rozanov, F. I. (2020). Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya primeneniya ekonomicheskogo issledovaniya motivacionnoj i povedencheskoj sfery v psihologicheskikh teoriyah. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 3 (41), 40–46. <https://doi.org/10.18324/2224-1833-2020-3-40-46>
- Smirnov, A. V. (2010). Glubinno-psihologicheskie mekhanizmy predispolozhennosti k addiktivnomu povedeniyu v strukture integral'noj individual'nosti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika*, 3. 214–223. EDN: NBPSVL.
- Smirnov, A. V. (2014). Polovye osobennosti proyavlenij “addiktivnogo”, “pogranichnogo” i “neaddiktivnogo” tipov individual'nosti na glubinno-psihologicheskom urovne integral'noj individual'nosti. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*, 6-3 (45), 329–337. EDN TJLDJD.
- Soldatova, G. U., Shlyapnikov, V. N., Zhurina, M. A. (2015). Evolyuciya onlajn-riskov: itogi pyatiletnej raboty linii pomoshchi «Deti onlajn». *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, 3 (87), 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
- Trush, V. M., Gomonov, N. D. (2018). Kriminogennaya zarazhennost' lichnosti prestupnika s pozicii sud'boanaliza L. Szondi. *Yuridicheskie issledovaniya*, 1, 1–30. EDN YOEFISI.
- Fetiskin, N. P., Mironova, T. I. (2017). Mozaichnost' lichnostnoj napravlenosti v genezise molodezhnyh deviantnyh no-voobrazovaniy. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 4 (24), 28–41. EDN YLBXEM.
- Husainova, S. V., Hakimzyanov, R. N. (2019). Issledovanie psihologicheskikh osobennostej lichnosti sklonnoj k deviantnomu povedeniyu. *Kazanskiy pedagogicheskij zhurnal*, 6 (137), 195–201. EDN XYBMVZ.
- Bezliudnyi, O., Kravchenko, O., Maksymchuk, B., Mishchenko, M., & Maksymchuk, I. (2019). Psycho-correction of burnout syndrome in sports educators. *Journal of Physical Education and Sport*, 19 (3), 1585–1590. <https://doi.org/10.7752/jpes.2019.03230>
- Darius, S., Boeckelmann, I., Tymbot, M. O., Zavgorodnii, I. V., Zavgorodnia, N. I., & Kapustnik, W. A. (2017). Socio-psychological aspects of forming emotional burnout among high school teachers. *New Armenian Medical Journal*, 11. (2), 63–71. EDN XNXMQJ.
- Curry, L. A., & Youngblade, L. M. (2006). Negative affect, risk perception, and adolescent risk behavior. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 27 (5), 468–485. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2006.06.001>
- García, B. H., Vázquez, A. L., Moses, J. O., Cromer, K. D., Morrow, A. S., & Villodas, M. T. (2021). Risk for substance use among adolescents at-risk for childhood victimization: The moderating role of ADHD. *Child Abuse and Neglect*, 114, 104977. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.104977>
- Ghazal, P. (2019). Rising trend of substance abuse in Pakistan: a study of sociodemographic profiles of patients admitted to rehabilitation centres. *Public Health*, 167, 34–37. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2018.10.020>
- Hussein, Z., Griffiths, M. D., & Baguley, T. (2012). Online gaming addiction: classification, prediction and associated risk factors. *Addiction Research & Theory*, 20 (5), 359–371. <https://doi.org/10.3109/16066359.2011.640442>
- Menon, S. V., Thakur, H., Shorey, R. C., & Cohen, J. R. (2019). Predicting Adolescent Substance Use in a Child Welfare Sample: A Multi-Indicator Algorithm. *Assessment*, 28 (4), 1207–1218. <https://doi.org/10.1177/107319111988096>
- Miller T. W., Bilyeu J., Veltkamp L. J., Clayton, R., Welsh, R., & Elzie, N. (2001). Intimacy in addicted couples: clinical issues and case studies. *Journal of Couples Therapy*, 10 (3-4), 51–62. https://doi.org/10.1300/J036v10n03_06
- Minkin, V. A., & Nikolaenko, N. N. (2008). Application of Vibraimage Technology and System for Analysis of Motor Activity and Study of Functional State of the Human Body. *Biomedical Engineering*, 42 (4), 196–200. <https://doi.org/10.1007/s10527-008-9045-9M>
- Moradi, P., Lavasani, F. F., & Dejman, M. (2019). Adolescent substance abuse and family environment: A qualitative study. *International Journal of High Risk Behaviors and Addiction*, 8 (2), e83781. <https://doi.org/10.5812/ijhrba.83781>
- Morales, A. M., Jones, S. A., Kliamovich, D., Harman, G., & Nagel, B. J. (2020). Identifying Early Risk Factors for Addiction Later in Life: a Review of Prospective Longitudinal Studies. *Current Addiction Reports*, 7 (1), 89–98. <https://doi.org/10.1007/s40429-019-00282-y>
- Tabachnikov, S., Osukhovskaya, O., Vasylyeva, G., Kharchenko, E., Salden, V., & Chepunna, A. (2020). Psychoemotional Synergy Register of Non-chemical Addiction and Tobacco Smoking in Young People. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 11 (3), 578–582. <https://doi.org/10.34883/PI.2020.11.3.014>
- Schneider, J. P., & Irons, R. R. (2001). Assessment and treatment of addictive sexual disorders: Relevance for chemical dependency relapse. *Substance Use & Misuse*, 36 (13), 1795–1820. <https://doi.org/10.1081/ja-100108428>
- Sotoudeh, H. G., Nazari, M. A., & Mirhashemi, M. (2021). Social-cognitive educational protocol for parents with adolescents at risk of substance use: Impact on adolescents' life skill. *Iranian Journal of Psychiatry*, 16 (3), 295–304. <https://doi.org/10.18502/ijps.v16i3.6255>

Информация об авторах:

Александр Васильевич Смирнов – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и конфликтологии Уральского государственного педагогического университета.

Людмила Александровна Максимова – кандидат педагогических наук, директор института психологии Уральского государственного педагогического университета.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 19.05.2023

Одобрена после рецензирования 25.06.2023

Опубликована 28.07.2023

About the authors:

Alexander V. Smirnov – Dr.Psy., Professor of the Department of General Psychology and Conflict Studies, Ural State Pedagogical University.

Lyudmila A. Maksimova – PhD in Pedagogy, Director of the Institute of Psychology at the Ural State Pedagogical University.

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted May 19, 2022

Approved after reviewing June 25, 2023

Accepted July 28, 2023